

- адаптации опросников диагностики совладающего поведения // Психология и практика / Сост. В.А. Соловьева. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2001. С. 66-72.
7. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Уч. зап. каф. общ. психол. МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1. М.: Смысл, 2002. С. 56-65.
 8. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Уч. зап. каф. общ. психол. МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 2 / ред. Б.С. Братусь, Е.Е. Соколова. М.: Смысл, 2006. С. 85-105.
 9. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
 10. Махнач А.В., Лактионова А.И. Психология адаптации и социальная среда: Современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». С. 290-312.
 11. Медведев В.И. Адаптация человека. – СПб.: Институт мозга человека РАН, 2003.
 12. Миллер Л.В. Социально-психологическая адаптация мигрантов в новой социальной среде: проблемы исследования // Психология адаптации и социальная среда: Современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 159-168.
 13. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция и субъектный подход к исследованию психики // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: Мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. / ред. З.И. Рябикина, В.В. Знаков. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. С. 137-145.
 14. Сергиенко Е.А. Становление контроля поведения как проявление индивидуальности и его роль в процессе адаптации // Психология адаптации и социальная среда: Современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 251-275.
 15. Сергиенко Е.А. Субъектная регуляция совладающего поведения // Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / ред. А.Л. Журавлев, Т.Л. Крюкова, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 67-83.
 16. Соловьева А.В. Психологическая защита и различия в ее понимании // Психологические исследования личности / ред. Е.А. Чудина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. С. 7-15.
 17. Garmezy N. The experimental study of children vulnerable to psychopathology / A. Davids, ed. // Child Personality and Psychopathology: Current Topics. Vol. 2. New York: Wiley, 1976. P. 171-216.
 18. Kazdin A.E., Holland L., Crowley M. Family experience of barriers to treatment and premature termination from child therapy // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1997. Т. 65. P. 453-463.
 19. Luthar S.S., Cicchetti D., Becker B. The construct of resilience: A critical evaluation and guidelines for future work // Child Development. 2000. Т. 71. P. 543-562.
 20. Maddi S.R. Hardiness Training at Illinois Bell Telephone // Health promotion evaluation / J.P. Opatz. Stevens Point: National Wellness Institute, 1987. P. 103.
 21. Maddi S.R., Khoshaba D.M. Hardiness and Mental Health // J. of Personality Assessment. 1994. Vol. 63. № 2. P. 265-274.
 22. Masten A.S. Coatsworth J.D. The development of competence in favorable and unfavorable environments: Lessons from research on successful children // American Psychologist. 1998. Т. 53. P. 205-220.
 23. Millstein S.G., Petersen A.C., Nightingale E.O. Adolescent health promotion: rationale, goals, and objectives. // Promoting the health of adolescents: New directions for the twenty-first century / S.G. Millstein, A.C. Petersen, E.O. Nightingale. N.Y.: Oxford University Press, 1993. P. 3-10.
 24. Werner E.E. Risk, resilience, and recovery: perspectives from the Kauai longitudinal study. // Development and psychopathology. 1993. Т. 5. P. 503-515.

УДК 371.01

Коптева Н. В.

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ УВЕРЕННОСТЬ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СУВЕРЕННОСТЬ*

Аннотация. Авторский теоретический и эмпирический конструкт онтологической уверенности, основанный на подходе английского экзистенциального психолога Р.

* © Коптева Н.В.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант 10-06-82-607а/У.

Лэйнга, в целях уточнения его содержательного (смыслового) плана сопоставляется с близким к нему по смыслу конструктом психологической суверенности (суверенности психологического пространства личности) С.К. Нартовой-Бочавер.

Ключевые слова: элементы бытия-в-мире, онтологическая уверенность как переживание, методика диагностики онтологической уверенности, психологическое пространство личности и его измерения.

N. Kopteva

ONTOLOGICAL SECURITY AND PSYCHOLOGICAL SOVEREIGNTY

Abstract. In the present paper the author's theoretical and empirical constructs of ontological security based on R. Laing's existential approach, are compared with S.K. Nartanova-Bochaver's construct of psychological sovereignty (sovereignty of psychological personal space), which has similar meaning.

Key words: elements of existence-in-the-world, ontological security as an experience, ontological security diagnostic procedure, psychological personal space and its measurements.

Проблема и основные понятия исследования. Теоретический конструкт

Разрабатываемая концепция онтологической уверенности [Коптева Н.В. 2009 а, б и др.] восходит к исследованиям известного английского психиатра Р. Лэйнга, который в своем исследовании онтологической неуверенности обозначил также противоположный полюс континуума (ontological security) и указал на важность общепсихологического аспекта проблемы: «Вообще говоря, очевидно, что обсуждаемое здесь нами, с клинической точки зрения, является лишь небольшим примером чего-то, во что глубоко вовлечена человеческая природа и во что мы можем привнести лишь частичное понимание» [Р. Лэйнг* 1995, 35]. Помимо того, что онтологическая уверенность не была в центре внимания Р. Лэйнга, необходимость реконструировать соответствующее понятие на основе его подхода связана с тем, что, следуя экзистенциально-феноменологической методологии, автор сознательно ограничивался минимумом теории.

В классической психологической традиции и в обыденном сознании с понятием «уверенности» соотносятся «уверенность в себе», «самоуважение», «самооценка». Онтологическая уверенность подразумевает нечто большее – переживание человеком уверенности в своем бытии. Р. Лэйнг различает мир «каков он есть» и мир «каким его видит Я».

* Существует несколько вариантов перевода фамилии на русский язык: книги публиковались под именами Лэнг, Лэйнг (второй вариант более распространен), встречается также написание Лайнг.

Последний он вслед за Гегелем понимает как единство данного и построенного, в котором «элементы мира, приобретают ту или иную иерархию значимости» [Р. Лэйнг 1995, 38]. *Бытие-в-мире* предполагает «схему всего сущего» (представление или понятие о том, чем является мир), соответствующий ей способ бытия и производное от них переживание онтологической уверенности (неуверенности). Ядром надежной конструкции индивидуального бытия является ментальное «Я» в единстве с телом. «Не-Я» (другие люди, мир) также входят в состав бытия-в-мире, но не представляют собой его необходимой части. Представляется, что уверенность, по отношению к которой используется определение «онтологическая», может быть понята с учетом статуса в структуре бытия обозначенных элементов, «иерархии их значимости».

Подобно онтологической уверенности, суверенность в концепции С.К. Нартовой-Бочавер [С.К. Нартова-Бочавер 2008] представляет собой онтологическую категорию. Психологическую суверенность (от французского *souverain* — носитель верховной власти) автор рассматривает как форму субъектности, которая проявляется, осуществляется в границах и на границах психологического пространства. Психологическое пространство персонализировано, основано на переживании Я и личной идентичности человека. То, что находится за его пределами, составляет «Не-Я». Вслед за У. Джемсом, выделявшим в эмпирическом «Я» физическую, социальную и духовную личности, С.К. Нартова-Бочавер конкретизирует измерения психологического пространства личности, отражающие соответствующие аспекты человеческого бытия: собственное тело, территория, личные вещи (артефакты), привычки (временной режим), социальные связи и вкусы (ценности). Поскольку психологическое пространство автор понимает в качестве части среды, ментальное «Я», представляющее собой измерение иного уровня, в него не включено.

Таким образом, концепт онтологической уверенности мы (вслед за Р. Лэйнгом) определяем в границах бытия-в-мире, элементами которого являются «Я» и «Не-Я», обладающие для человека той или иной значимостью. Границу между «Я» и «Не-Я» Р. Лэйнг четко не локализует. Она проходит по «телу», которое понимается широко, не только как собственно тело человека, но и поведение, действия, поступки, в которых проявляется ментальное «Я». В концепте суверенности в качестве значимого рассмат-

ривается фрагмент бытия (психологическое пространство личности), отождествляемый с *Я*, в отличие от *Не-Я*. В концепте суверенности (психологического пространства), напротив, основное внимание отводится этой «внутренней» границе. «Ключевое место в феноменологии психологического пространства занимает состояние его *границ* – физических и психологических маркеров, отделяющих область личного контроля и приватности одного человека от таковой области другого» [С.К. Нартова-Бочавер 2008. 136-137].

Общим моментом, характеризующим как онтологическую уверенность, так и суверенность, является личностная автономия. Онтологическая уверенность предполагает автономию *Я*, составляющего «центральный анклав» бытия: субъектность, самодостаточность, способность к самостоятельному, отдельному от других существованию, свободу, выбор собственного пути. Важную предпосылку автономии Р. Лэйнг усматривает в переживании ментального *Я* в единстве с телом (воплощённости). Двусмысленное положение тела, представляющего собой часть *Я* и объект в мире объектов, открытый внешним воздействиям, делает его слабым звеном в структуре элементов бытия, что обнаруживается в описаниях клинических случаев психозов и шизофреников. Они отделяют ментальное *Я* от тела и всех связанных с ним поведенческих проявлений, прилагают огромные усилия, воздвигая из них в качестве заградительного щита систему ложного *Я*, чтобы сохранить от посягательств извне хотя бы внутреннюю свободу. Однако ментальное *Я*, передавшее «двери восприятия и (или) врата деяния» [Р. Лэйнг 1995. 74] ложному *Я*, утрачивает витальный контакт с миром и неизбежно опустошается. Это приводит к переживанию ущербности истинного невоплощённого *Я*, несовместимому с автономией.

Психологическую суверенность С.К. Нартова-Бочавер характеризует как род автономии, который отличает не столько независимость «от чего-то», сколько управление «чем-то», «по отношению к чему-то», а именно: управление в границах собственного психологического пространства, его обустройство. В её концепции восприятие человеком себя в качестве хозяина и распорядителя собственного психологического пространства предполагает способность развивать его, контролировать и защищать границы, отделяющие *Я* от *не-Я*. Границы психологического пространства рассматриваются в качестве «инструмента равноправ-

ного взаимодействия и селекции внешних влияний, обозначающих пределы личной ответственности и определяющих идентичность человека» [Нартова-Бочавер С.К. 2008. 160-161]. Исходя из того, что психологическое пространство «прозрачно», с трудом поддаётся позитивному описанию, С.К. Нартова-Бочавер в опроснике «Суверенность психологического пространства» (СПП), предназначенном для диагностики целостности психологического пространства личности (ППЛ), использует оригинальный ход, основанный на том, что его границы обнаруживаются в ситуациях встречи «*Я*» и «*не-Я*», «удара» по ним. Пункты опросника представляют жизненные ситуации, относящиеся к детскому возрасту, которые могут быть расценены человеком как депривирующие ситуации «вызова» или внедрения. Большинство исследований автора, в которых в качестве инструментария используется тест, проведены на выборках подростков. Имеются также менее масштабные исследования взрослых, которым тест предъявлялся со смещённой ретроспективной инструкцией.

Интересующие нас феномены уверенности, безопасности, доверия к миру, близкие к онтологической уверенности, способность личности к диалогу, творчеству во всех сферах жизнедеятельности, в концепции С.К. Нартовой-Бочавер связываются с суверенностью, сохранностью границ психологического пространства.

Связь переживания человеком автономии, как аспекта онтологической уверенности с отношением к *Не-Я* предусматривает и подход Р. Лэйнга, который указывает: «Твёрдое ощущение собственной автономной индивидуальности требуется для того, чтобы можно было относиться к людям как одно человеческое бытие к другому» [Р. Лэйнг 1995, 39]. Вместе с тем надёжное структурирование бытия, соответствующее онтологической уверенности, предполагает не только автономию *Я*, составляющего центр индивидуального бытия, но и диалектические связи *Я* и *Не-Я*, подразумевающие одновременно отделённость и связанность, диалог с другими людьми, творческий контакт с миром. Бытие с *Другим*, помимо возможности взаимообмена, развития, удовлетворяет «общую потребность обладать собственным присутствием, одобренным или подтверждённым другим, потребность в признании собственной полной экзистенции»; по сути – потребность быть любимым [там же, 125-126]. Реальным *Я* может быть только в связи с реальными людьми

	Бытие в мире и его элементы	
	Анклав Я	Не-Я
Характеристики надёжной конструкции, способа бытия и соответствующие переживания ОУ	Автономия (переживание автономии)	Отделённость и связанность (переживание отделённости и связанности)
Бытийные опоры и особенности их переживания, конституирующие ОУ	Я, тело	Значимое, люди, мир
	Близость, принадлежность, эмоциональное отношение, ценность, комфорт	

Рис. 1. Переживания онтологической уверенности, производные от конструкции бытия-в-мире.

ми и вещами. Переживание того, что находится за пределами Я, безразлично для ощущения собственной автономии; таким образом, обозначен аспект онтологической уверенности, имеющий отношение к единству Я и Не-Я.

Переживание автономного воплощённого Я Р. Лейнг характеризует спектром позитивных переживаний, которые, распространяясь на то, что составляет Не-Я, «сшивают» их в целое бытия-в-мире. «Человек может обладать чувством своего присутствия в мире в качестве реальной, живой, цельной и во временном смысле непрерывной личности. Как таковой, он может жить в мире и встречаться с другими: мир и другие переживаются как в равной мере реальные, живые, цельные и непрерывные. Подобная, в своей основе онтологически уверенная, личность будет встречать все жизненные опасности – социальные, этические, духовные и биологические – с твердым ощущением реальности и индивидуальности самое себя и других людей. Зачастую для такой личности с подобным чувством своей неотъемлемой самости и личностной тождественности, неизменности вещей, надёжности природных процессов, субстанциональности природных процессов, субстанциональности других очень трудно перенестись в мир индивидуума, чьим переживаниям чрезвычайно недостает неоспоримой самообосновывающей определенности» * [там же, 33]. Текст книги Р. Лэйнга содержит и целый ряд других формулировок переживаний онтологической уверенности в этой логике.

Наш теоретический конструкт онтологической уверенности (ОУ), основанный на подходе Р. Лэйнга, представлен двумя уровнями переживаний, связанных со структурой элементов бытия в мире (рис. 1). На первом уровне

необходимыми составляющими ОУ являются переживания субъектом автономии в отношении собственного Я, а также переживания отделённости и связанности с миром и людьми. На втором уровне ОУ представлена позитивными переживаниями, выраженность которых может указывать на меру отделённости – связанности Я и Не-Я, целостности бытия.

Переживаниями, подобными тем, о которых говорится в приведённой выше обширной цитате из книги Р. Лэйнга, У. Джемс характеризовал необъятное эмпирическое Я, включающее не только *те* (то, что считаю собой, рассматриваю как часть своей личности), но и *mine* (то, что считаю своим) [Джемс У. 1991]. По сути, он рассматривал тот же вопрос о переживании человеком себя в мире, но в общепсихологическом плане. Мы в большей мере придерживаемся феноменологии соответствующих переживаний в его изложении, выглядящей менее экстравагантно и включающей чувства принадлежности, теплоты, симпатии, интимности, близости, знакомости, родственности, «нежнейшее чувство привязанности», переживание ценности [там же]**. Эти формулировки использовались при операционализации онтологической уверенности (некоторые определения конкретных переживаний, приводимые Р. Лэйнгом, не подходили в качестве пунктов методики, предназначенной для диагностики в выборке нормы).

Нерасчленённость, целостность переживаний ОУ (которая, согласно Р. Лэйнгу, имеет первичный самообосновывающий характер) в нашем конструкте соответствует глобальности основных объектов (элементов

* наклонным шрифтом выделены определения, принадлежащие Р.Лэйнгу.

**С.К. Нартова-Бочавер характеризует переживание человеком психологического пространства как своего, родственного, присвоенного или созданного им самим, и поэтому значимого, представляющего ценность.

бытия-в-мире), к которым они относятся. Помимо *уверенности в Я, теле, мире, людях*, мы включили в него *также уверенность в значимом для себя*. Последняя по своему объекту (которым является субъективная ценность) может относиться к любому из вышеперечисленных видов уверенности. Подобную неотъемлемую составляющую эмпирического Я имел в виду У. Джемс [Джемс У. 1991, 89]. Вслед за ним С.Л. Рубинштейн, отмечая, что в каком-то очень широком смысле всё переживаемое человеком, всё психическое содержание его жизни входит в состав личности в качестве того, что будет приоритетно включено в Я, называет мысль, «которой человек отдал все свои силы и чувства, с которыми срослась вся его жизнь» [Рубинштейн С.Л. 1946, 680].

ОУ предполагает распространение переживаний, характеризующих феноменологию Я, на широкий круг разнородных объектов и объединение с ними. Мы понимаем ОУ как переживание человеком своей *единоприродности* с миром, объединяющее «ресурсное» чувство, придающее человеку ощущение безопасности, силы. Частные измерения ОУ дифференцированы по перечисленным объектам как возможным бытийным опорам.

Инструментарий (методика «Онтологическая уверенность»). На основании представленного гипотетического конструкта (преимущественно его второго уровня*) создана методика изучения ОУ, которая прошла проверку на конструктивную и конвергентную валидность, надёжность шкал и т. д. (N=900 человек). Подробно психометрические характеристики методики представлены [Коптева Н.В., 2009 а].

Конкретная форма методики была под-сказана методикой Ж. Нюттена [Нюттен Ж., 2004], созданной по принципу семантического дифференциала и направленной на определение установок по отношению к психологическому времени. Эта методика в интерпретации К. Муздыбаева выявляет установки по отношению к прошлому, настоящему и будущему с помощью трёх индексов (эмоционального и ценностного отношения, а также личностного контроля), в соответствии с которыми подобраны 15 оппозиций прилагательных. Испытуемый оценивает по этим оппозициям каждое из времён; при обработке данных вычисляются три индекса:

для прошлого, настоящего и будущего [Муздыбаев К., 2000].

В итоговый вариант методики, использованный в настоящем исследовании, вошли пункты, соответствующие четырём критериям (индексам): «*близость*» (близкий, родственник, знакомый, мой), «*комфорт*» (комфортный, надёжный, безопасный, удобный, уютный), «*эмоциональное отношение*» (вызывающий тёплые чувства, родной, любимый, дорогой) и «*ценностное отношение*» (значимый, важный, подлинный, ценный для меня, настоящий). Для двух последних, совпадающих с индексами К. Муздыбаева, был разработан свой набор оппозиций прилагательных. Таким образом, методика содержала всего 18 оппозиций. Предлагалась инструкция: «*Оцените по своим субъективным ощущениям, используя предложенные характеристики, Ваше «Я» (тело, мир, окружающих людей, нечто значимое для Вас) по 7-балльной шкале. Цифры обозначают степень Вашего согласия с позитивным полюсом характеристики (7 – полностью согласен, 6 – в целом согласен, 5 – скорее согласен, чем не согласен 4 – затрудняюсь с ответом, 3 – скорее не согласен, чем согласен, 2 – в целом не согласен, 1 – не согласен)*». Прежде чем оценивать «значимое», в соответствующем пункте теста респонденты подчёркивали что-то из предложенного списка: человек, предмет, дело, интерес, занятие, событие или дописывали своё.

Всего методика включала 60 пунктов, образующих 5 первичных шкал, совпадающих с вышеперечисленными пятью «измерениями» ОУ: 1) *уверенность в собственном Я*, 2) *теле*, 3) *мире*, 4) *людях*, 5) *значимом*. При обработке данных подсчитывалась сумма баллов, которой оценивался уровень уверенности в каждом из объектов самоидентификации. На основе этих 5-ти шкал формировалась одна суммарная, агрегированная шкала ОУ.

Гипотезы исследования. Подводя итоги теоретическому сопоставлению конструктов онтологической уверенности и суверенности, можно отметить разномасштабность координат, в которых рассматриваются ОУ (координаты бытия-в-мире, в котором мы только и можем быть собой и который умрёт вместе с нами) и суверенность (координаты значимого фрагмента бытия, который отделяет область приватного). В части нашего конструкта, положенного в основу представленной выше методики, ОУ выступает как мера переживания связанности - отделённости Я и Не-Я.

* В настоящее время разрабатывается психометрическая методика диагностики ОУ, соответствующая первому уровню переживаний, обозначенному в конструкте, включающая измерения автономии и связанности с людьми и миром..

Она может также указывать на автономию: «если индивидуум не ощущает себя автономным, то это означает, что он обычным образом не может переживать ни отделённость от другого, ни связанность с ним» [Р. Лэнг 1995, 49]. Отклонение от этой меры, не обязательно достигающее клинического случая, может быть несовместимым с автономией. В конструкте С.К. Нартовой-Бочавер, напротив, внимание акцентировано на суверенность как своего рода автономию, субъектность в границах собственного психологического пространства, которая косвенно может указывать на переживание собственной безопасности в мире. Можно согласиться с автором, что для переживания суверенности, уверенности и безопасности не очень интересно, каким “метражом” исчисляется пространство; главное, чтобы оно было субъективно достаточным для человека [Нартова-Бочавер С.К. 2003, 30]. Однако справедливо и то, что «строгость и определённость границ личности могут вознаградить за скудость ее содержания» [Джемс У. 1991, 93].

Мы предполагаем, что существуют группы респондентов, характеризующиеся соответствием уровней ОУ и суверенности (оба показателя ОУ и СПП являются одинаково высокими или низкими), а также – группы, характеризующиеся преобладанием чего-то одного (один из показателей ОУ или СПП является высоким, а другой – низким).

Онтологическая уверенность и суверенность психологического пространства в группах, контрастных по уровню их выраженности. Мы не будем здесь обсуждать особенности взаимосвязи и структуры измерений ОУ и СПП, которые заслуживают отдельного обсуждения, а отчасти представлены в других исследованиях [Коптева Н.В. 2009], а сразу приступим к проверке выдвинутой гипотезы. Для её эмпирической проверки с помощью кластерного анализа выборка (N=200) была поделена по общим показателям обеих методик. Были выделены четыре кластера (группы) участников (рис. 2).

В группу **онтологически уверенных и суверенных респондентов** (4 кластер) вошли 47 человек, которых характеризует высокий уровень как ОУ (переживания причастности к миру, единства с ним), так и суверенности (способности контролировать, защищать, обустроить и развивать свое психологическое пространство). Возможно, подобный тип людей, «эмпирическая личность которых имеет широкие пределы», У. Джемс называл «счастливыми сынами земли, властелинами

суши и морей» [Джемс У. 1991, 83] и в качестве идеального примера приводил Марка Аврелия: «Тот, кто может воскликнуть вместе с Марком Аврелием: «О, Вселенная! Все, что ты желаешь, то и я желаю!», имеет личность, из которой удалено до последней черты всё, ограничивающее суживающее её содержание, — содержание такой личности всеобъемлюще» [там же, 94]. Самую малочисленную группу (3 кластер) составили 28 человек, которых, напротив, можно определить как **онтологически неуверенных, несуверенных.**

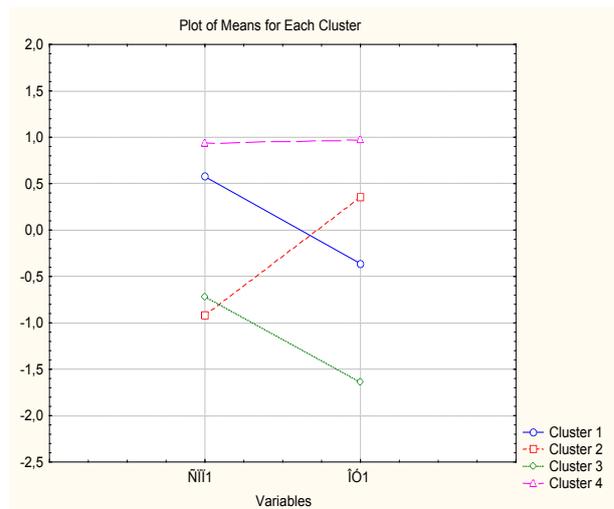

Рис. 2. Группы, различающиеся уровнем общих показателей онтологической уверенности и суверенности психологического пространства личности (СПП – суверенность психологического пространства, ОУ – онтологическая уверенность).

Наибольший интерес для нас представляют две оставшиеся группы (вторая и первая), составляющие почти 2/3 выборки, характеризующиеся преимущественно чем-то одним: либо онтологической уверенностью как ресурсным чувством, объединяющим человека с другими людьми и миром (**онтологически уверенные, с низким уровнем суверенности, 64 человека**), либо суверенностью – переживанием себя в качестве хозяина и распорядителя границами собственного психологического пространства (**суверенные, с относительно низким уровнем онтологической уверенности, 61 человек**).

Под категорию респондентов **онтологически уверенных, с низким уровнем суверенности**, у которых высокий показатель ОУ (переживание наличия надёжных бытийных опор сочетается с нарушением целостности границ психологического пространства, с низким уровнем способности поддерживать

личностную автономию), можно подвести другой тип «широкой личности», который описал У. Джемс. «Границы их личности бывают довольно неопределённые, но зато богатство её содержания с избытком вознаграждает их за это: *nihil humanum a te alienum* – ничто человеческое мне не чуждо («Пусть презирают мою скромную личность, пусть обращаются со мною как с собакой; пока есть душа в моём теле, я не буду их отвергать. Они – такие же реальности, как и я. Все, что в них есть действительно хорошего, пусть будет достоянием моей личности»). Великодушие этих экспансивных натур иногда бывает поистине трогательно. Такие лица способны испытывать своеобразное тонкое чувство восхищения при мысли, что, несмотря на болезнь, непривлекательную внешность, плохие условия жизни, несмотря на общее к ним пренебрежение, они всё-таки составляют неотделимую часть мира бодрых людей, имеют товарищескую долю в силе ломовых лошадей, в счастье юности, в мудрости мудрых и не лишены некоторой доли в пользовании богатствами Вандербильдтов и даже самих Гогенцоллернов» [там же, 93-94].

Среди представителей группы **суверенных, с относительно низким уровнем онтологической уверенности**, встречаются личности, напоминающие «узких», то есть отделяющих от себя всё то, чем они прочно не владеют, шаржированный портрет которых представил У. Джемс: «Они смотрят с холодным пренебрежением (если не с настоящей ненавистью) на людей, не похожих на них или не поддающихся их влиянию, хотя бы эти люди обладали великими достоинствами. «Кто не за меня, тот для меня не существует, то есть, насколько от меня зависит, я стараюсь действовать так, как будто он для меня вовсе не существовал»» [там же, 92].

Получены данные, которые могут указывать на **компенсаторный характер отношений** между аспектами онтологической уверенности и суверенности психологического пространства в обсуждаемых группах: обнаружился антагонизм между уровнем выраженности соответствующих показателей. В большей мере он проявился в группе **суверенных, с относительно низким уровнем онтологической уверенности**, в которой выявлено 8 отрицательных корреляций показателей онтологической уверенности и суверенности психологического пространства, в том числе между интегральными показателями ($r=0,35$ при $p < 0,01$); в меньшей мере – в группе

«онтологически уверенных, несуверенных, в которой выявлено 2 отрицательные связи онтологической уверенности и суверенности психологического пространства.

Согласно У. Джемсу, человек может поддерживать самоуважение двумя способами: 1) расширяя свои границы, или 2) снижая притязания, сокращая плацдарм самоутверждения. Действие соответствующих механизмов порождает определённую закономерность существования Я, его своеобразный пульс. Приведённые выше словесные портреты широкого и узкого типов личности можно соотнести с этими способами. Какой из способов достижения самоуважения окажется более эффективным? Какая из групп респондентов характеризуется более позитивным самоотношением: **онтологически уверенные, несуверенные** или **онтологически неуверенные, суверенные**?

По результатам анализа с помощью t-критерия Стьюдента установлено, что между группами, полярными по уровню общих показателей ОУ и суверенности, отсутствуют различия на всех уровнях самоотношения: интегрального показателя (общего чувства «за» или «против» себя), четырёх обобщённых измерений самоотношения (*самоуважение, аутосимпатия, самоинтерес, ожидание положительного отношения к себе других людей*), а также на уровне конкретных действий в свой адрес или установок на подобные действия.

Сравнение групп **онтологически уверенных, несуверенных** и **суверенных с относительно низким уровнем онтологической уверенности** с группой **суверенных и уверенных** показало, что они уступают группе с высокими показателями ОУ и суверенности по уровню интегрального показателя самоотношения, по обобщённым измерениям самоотношения (**уверенные** – по трём из четырёх измерений самоотношения, кроме самоинтереса; у **суверенных**, кроме того, имеется тенденция к различию и по самоинтересу), а также по показателям самоотношения на уровне конкретных действий (каждая из групп отличается по пяти показателям в неблагоприятную сторону).

Таким образом, с точки зрения степени позитивности самоотношения и отдельных его аспектов, ни один из приведённых способов поддержания самоуважения при неразвитости другого недостаточно эффективен. Представители группы **онтологически уверенных и суверенных** (у которых переживание единства с миром сочетается с пе-

реживанием себя в качестве хозяина своего психологического пространства, надёжности границ *Я*) более позитивно относятся к себе, чем представители групп, у которых доминирует что-то одно (как показал корреляционный анализ, вероятно, в ущерб другому: либо ОУ, либо суверенность).

По результатам эмпирического исследования можно сделать следующие далее **выводы**.

Выявлены группы респондентов, контрастные по общим показателям ОУ и СПП: *онтологически уверенные, несuverенные и суверенные, онтологически неуверенные*, составляющие 2/3 выборки. Есть основания считать, что ОУ и суверенность психологического пространства в этих группах находятся в компенсаторных отношениях: недостаток суверенности, проницаемость границ *Я* компенсирует переживание связанности *Я* и *Не-Я*, и наоборот – переживание отсутствия надёжных бытийных опор компенсирует переживание суверенности, прочности границ собственного психологического пространства (отрицательные связи между соответствующими показателями в обсуждаемых группах). Вероятно, с точки зрения поддержки позитивного самоотношения, онтологическая уверенность или суверенность по отдельности недостаточно эффективны. Указанные груп-

пы не различаются ни по одному из разноразрядных показателей самоотношения, но по подавляющему большинству из них уступают группе *уверенных и суверенных*.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
2. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность: теоретическая модель и диагностика. Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2009. 158 с.
3. Коптева Н.В. Онтологическая уверенность – неуверенность: общепсихологический аспект // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 1(71), 2010. С. 118-126.
4. Лэнг Р.Д. Расколотое “Я”. СПб.: Белый Кролик, 1995. 352 с.
5. Муздыбаев К. Переживание времени в период кризисов // Психологический журнал. 2000. Том 21. № 4. С.5-21.
6. Нартова-Бочавер С.К. Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение. ПЖ. 2003. С. 27-36.
7. Нартова-Бочавер С.К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
8. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 608 с.
9. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.

УДК 159.9.

Лихачева Е. Ю.

СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИМИТАЦИОННЫХ ИГР)*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования процессов смыслообразования в имитационных играх (simulation games). Выдвинуто и обосновывается положение о том, что имитационная игра выступает моделью исследования неопределённости, механизмами преодоления которой становятся процессы смыслообразования.

Ключевые слова: имитационные игры, неопределённость, процессы смыслообразования.

E. Likhacheva,
PERSONAL MEANING FORMATION
AS A MECHANISM OF UNCERTAINTY
OVERCOME (RESEARCH BASED ON
SIMULATION GAMES)

Abstract. Results of research of personal meaning formation processes in simulation games are presented. It is argued that simulation game is a model for uncertainty investigation. Uncertainty is overcome via formation of personal meaning.

Key words: simulation games, uncertainty, processes of personal meaning formation.

* © Лихачева Е.Ю.